

A detailed portrait of Ivan the Terrible, the fourth Tsar of Russia, depicted in full plate armor. He is shown from the waist up, holding a sword. The background features a landscape with a city and a river. The text is overlaid on the right side of the image.

КОНЕЦ ДОМА
РЮРИКОВИЧЕЙ

ЛЕГЕНДА
ОБ ИМПЕРАТОРЕ

АПОГЕЙ
И КАТАСТРОФА —
ПОЛЯКИ В КРЕМЛЕ

ПАВЕЛ ПИРЛИНГ

ИВАН САМОЗВАНЕЦ

Павел Пирлинг
Дмитрий Самозванец

«Центрполиграф»

УДК 94(47).045
ББК 63.3(2)45

Пирлинг П. О.

Дмитрий Самозванец / П. О. Пирлинг — «Центрполиграф»,

ISBN 978-5-227-09947-1

Историк, директор славянской библиотеки в Париже Павел Пирлинг в настоящей книге описывает период русской истории XVI века, когда после смерти царевича Дмитрия на российский престол претендовал Лжедмитрий I, Дмитрий Самозванец. На основе русских и западноевропейских исторических документов автор воссоздает не только устоявшийся в историографии облик Гришки Отрепьева, но и отношения России с Римской католической церковью. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47).045

ББК 63.3(2)45

ISBN 978-5-227-09947-1

© Пирлинг П. О.
© Центрполиграф

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
I	6
II	11
III	16
Глава 2	23
I	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Павел Осипович Пирлинг Дмитрий Самозванец

© Перевод, «Центрполиграф», 2022

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2022

Часть первая

Легенда об императоре

Глава 1

Конец одной династии

I

Иван Грозный оставил после смерти чрезвычайно тяжелое наследство. Конечно, не хилому Федору было справиться с такой ношей. Молодой царь не имел ничего общего с мрачным гением своего отца. Ряса инока была ему больше к лицу, чем роль свирепого и коварного деспота. Честолюбивый выскочка, от надменности переходивший к грубости, сам Борис Годунов не мог, в конце концов, остаться господином положения. В сетях злого обмана и всеобщего предательства, в руках грабителей и хищников всякого рода, во власти чужеземных врагов Русское государство восстало против самого себя. Казалось, ему грозило окончательное крушение. Избегнуть этой участи ему помогло лишь стихийное и грозное пробуждение национального чувства.

Исследуя происхождение Смуты и ее скрытые причины, историк восходит к мрачной поре опричнины и углубляется еще дальше в прошлое. Уже давно великий князь Московский превратился в византийского базилевса. Уже давно потомки удельных князей стали его слугами, а новая знать, возвеличенная милостями государя, начала вытеснять старых бояр-князей. Все подвергалось нивелировке вокруг московского трона, и этот процесс, естественно, отразился на строе тогдашнего землевладения. За счет прежних хозяев земли правительство стало обогащать новых своих слуг, наделяя их земельными участками. Иван IV возвел в политическую систему массовое переселение – «переборку» – подозрительных элементов: на их место он сажал служилых людей, несущих на себе податное тягло. За исключением незначительной группы привилегированных лиц, гнет этого режима почувствовало все общество, от знатных людей до самых худородных. Права всех были нарушены; интересы грубо попирались; завязалась жестокая борьба; начались репрессии; возникла крамола. Назревал страшный социальный кризис; он приближался медленно, но верно. Гроза разразилась тогда, когда династия могучих людей, создавших величие Москвы, стала вырождаться, а затем и вовсе сошла со сцены.

Казалось, что плодовитое дерево дома Рюриков смело устоит перед веками: недаром этой династии было тесно в границах Древней Руси. Желая наделить каждого из многочисленных детей своих земель, великий князь Владимир не остановился перед раздроблением своего государства. Прежнее единство Руси более или менее воссоздано было вновь при Ярославе Мудром. Но тотчас за ним наследники опять поделили между собой национальную территорию: каждый из них стремился к возможно большей самостоятельности.

Анархия, порожденная княжескими усобицами, продолжалась до самого конца XV века. Бывала ли Русь вполне независима, или же тяготело над ней иго монголов – все равно со смертью каждого князя она распадалась все больше и больше. Порой, при благоприятных обстоятельствах, эти осколки государства вновь собирались воедино, но лишь затем, чтобы опять раздробиться еще мельче. При таких условиях, естественно, возникали родовые распри; происходили вражеские набеги; население подвергалось военным репрессиям; страну раздирали внутренние смуты. Честолюбивые или непокорные князья платились жизнью среди непрерывной борьбы; мстителями за них немедленно являлись более или менее близкие родствен-

ники. Воинственный и предприимчивый дух людей той эпохи плохо мирился с требованиями мальтузианской теории. Правда, периодический передел земель представлял собой крупные неудобства. Но численность участников этого дележа, естественно, вызывала стремление расширить границы государства; между тем кровная связь князей этой многоветвистой династии содействовала укреплению и развитию национального единства в государстве, находившемся в процессе образования и заселявшем все новые и новые области. Вот почему русские князья всегда стремились оставить при себе возможно большее потомство; вот почему в шутовском прозвище Большое Гнездо, данном одному из них, они не видели ничего обидного.

Однако уже в первой половине XVI века жизненные силы московской династии начали иссякать. В эту пору великим князем был Василий III. В жилах его текла кровь византийских императоров: как известно, он был сыном Софии Палеолог. В браке его с Соломонидой Сабуровой эта кровь слилась с чисто русской кровью. Но подобный союз не оправдал и самых скромных надежд. Миновало двадцать лет брачной жизни Василия с супругой; однако дом его все еще оставался бездетным. Неужели скипетр великого князя должен был перейти к братьям Василия? Последний считал их не способными к правлению, и тут ему было нечем похвалиться. Нет, такой исход отнюдь не мог удовлетворить Василия. Политический расчет и непосредственное чувство внушали ему убеждение, что единственно достойным преемником его может быть только сын. Эта мысль сделалась у него своего рода манией; совершенно естественно, что он решил, наконец, принять практические меры, чтобы осуществить свои желания и стать отцом. Сначала было назначено официальное следствие, которое должно было выяснить причины бесплодия злополучной великой княгини. Разумеется, все это кончилось ничем. Только один вывод напрашивался сам собой: всякому было очевидно, насколько бессильны те зелья и колдовства, которые считались в Москве наилучшим средством против всякой напасти. Легко можно было предвидеть, что дело Сабуровой разрешится самым грубым насилием. В позднейших летописях, сообщающих об этих событиях, мы находим, несомненно, тенденциозные вставки: во всяком случае, они тщетно пытаются набросить на всю эту историю покров поэтического вымысла. По их свидетельству, великий князь изливал свою скорбь в трогательных жалобах; с завистью смотрел он на птиц, сидящих на своих гнездах, и на рыб, стаями гуляющих в глубине вод. Он говорил, что чувствует вокруг себя трепетание жизни: все волнуется, все поет, все расцветает... За что же он один лишен радостей отца? То был лукавый вопрос, и придворные Василия, не слишком озабоченные соблюдением его супружеских клятв, принялись нашептывать ему желанные советы. Они напоминали ему о бесплодной смоковнице, которая иссекается; они говорили о необходимости заменить ее другой, способной цвести и приносить плод... Как легко было угадать истинный смысл этих внушений! Во всяком случае, если Василий действительно слушал этих мудрых «садоводов», он, очевидно, прекрасно понял их уроки. Дальнейший ход событий всем известен. Великий князь развелся с Соломонидой Сабуровой; несчастная была насильно заточена в монастырь. Затем, вопреки правилам церкви, Василий сочетался браком с княжной Еленой Глинской. На этот раз судьба исполнила желания князя-двоеженца. В 1530 году он стал отцом Ивана IV¹.

Оставляя в стороне всякие юридические формальности, нужно было признать, что новый «порфирородный», в сущности, не является ни законным наследником трона, ни подлинным потомком Рюрика. Плод прелюбодейного союза, Иван рожден был еще при жизни первой супруги великого князя. Таким образом, на нем лежала двойная печать греха и отвержения. Ввиду этого отец его постарался, насколько возможно, прикрыть вопиющее нарушение закона. На помощь себе он призвал авторитет высшего духовенства и все обаяние церковного обряда. К великому негодованию неподкупного Вассиана и Максима Грека, митрополит Даниил пошел навстречу настоятельным желаниям князя: он признал законным развод Василия с Соломони-

¹ Второй сын Василия был слабоумен, о нем мы не будем упоминать, так как он не играл в истории никакой роли.

дой и торжественно благословил его клятвопреступный союз с Еленой Глинской. Этого было совершенно достаточно в глазах массы, которая не слишком вникала в дело. Впрочем, и сами бояре не устояли перед соблазном и признали совершившийся факт. Таким образом, главные возражения были устранены, и детище Василия могло спокойно пользоваться правами и почестями, приличествующими великокняжескому сыну. При этих условиях московской династии уже не грозила опасность вырождения.

Нет нужды воспроизводить здесь всю историю Ивана IV и его отношений с Римом. Читатели помнят о тех злополучных войнах, которые вел Грозный с польским королем Стефаном Баторием; они не забыли, вероятно, как заискивал московский царь перед папой Григорием XIII. Как известно, эта политика завершилась вмешательством Римской курии в дело борющихся сторон, затем последовал богословский турнир Ивана с Поссевином. Теперь Грозный должен быть обрисован нами с иной стороны. Он истреблял своих ближайших родственников, кровожадные инстинкты его ускорили гибель московской династии. Попытаемся же изобразить здесь губительную работу этого венценосного палача в кругу своего собственного дома.

Мучимый боязнью потерять скипетр, Иван повсюду видел соперников и предателей. В мрачную пору опричнины эта подозрительность Грозного еще усилилась. Тогда он вступил на путь кровавых казней. Более всего сомнений возбуждал в нем его двоюродный брат Владимир, сын Андрея Ивановича. Долгое время Иван не решался открыто поднять на него руку. Но наконец его колебания прекратились. На голову князя Владимира и обрушился первый удар.

В правление матери Ивана, Елены Глинской, у князя Андрея были какие-то нелады с нею. Правительница заподозрила его в честолюбивых замыслах, и ему пришлось поплатиться за это тюремным заключением. Эту участь разделил с ним и его сын Владимир. Впрочем, пробыть в тюрьме обоим пришлось недолго. За них вступились бояре и высшее духовенство, и на Рождество 1541 года узники были освобождены. Над всем этим неприятным происшествием, казалось, был поставлен крест. В свое время Владимир унаследовал права отца и получил в удел Старицу. В довершение всего он принял участие в завоевании Казани – этом великом деле царя Ивана.

Раскинувшись по берегам Волги и Камы, татарское царство препятствовало внешнему росту Московской державы и преграждало ей путь в Азию. Московское правительство поклялось сокрушить эту твердыню мусульманства: в 1552 году его мечта наконец осуществилась. Татары оборонялись с решимостью отчаяния: город удалось взять приступом лишь после продолжительной осады; разумеется, штурм сопровождался ужасной резней. Во всяком случае, победа царя над «басурманами» громким эхом прокатилась по Русской земле. Падение Казани стало излюбленным предметом народного творчества; конечно, это событие было богато изукрашено поэтическим вымыслом. А между тем князь Владимир был одним из главных героев войны с Казанью. Имя его гремело по рядам московской рати; его подвиги, естественно, привлекали к нему сердце народа. Все это не могло не возбудить ревнивых и завистливых чувств в душе Ивана, и без того склонного к болезненной подозрительности. На следующий год отношения царя к князю Владимиру приняли еще более натянутый характер. Дело в том, что в критический момент национальный герой превратился в явного соперника своего государя.

Несколько месяцев спустя после своего блестящего похода на Казань царь Иван был внезапно постигнут какой-то ужасной болезнью: перед подобными недугами терялась медицинская наука XVI века. В тогдашнем обиходе эту болезнь называли не очень точным именем «огневица»: быть может, то была форма злокачественной лихорадки, которая принимала тем более жестокий характер, чем сильнее был организм больного. Так или иначе, положение Ивана очень скоро стало в высшей степени серьезным. Появились тревожные симптомы, предвещавшие близость рокового конца... Тогда-то, невзирая на предсмертные муки царя, не дожидаясь, пока корона сама спадет с его головы, приближенные Грозного начали жестокую борьбу из-за власти у самого его ложа.

Создалось крайне затруднительное положение. У царя не было сына, который мог бы немедленно принять бразды правления. Наследником Грозного был грудной младенец, а между тем именно ему желал умирающий государь передать свою власть². Но люди, пережившие регентство Елены Глинской, со страхом думали о таком исходе. Они слишком хорошо помнили смуты и насилия этого времени; они боялись, как бы при малолетнем царе им не пришлось поступаться своим достоинством. Матерью наследника была Анастасия Романова; к ней, естественно, переходила и власть правительницы: было очевидно, что всему ее роду будущее сулит господствующую роль в жизни государства. Правда, Романовы принадлежали к лучшим людям тогдашнего общества; у них были блестящие родственные связи, они всегда отличались умом и энергией, почему им и поручались самые ответственные должности. Но они не принадлежали к избранному кругу древней знати, они представляли собой, скорее, новую аристократию, возвеличенную милостями государей и собственными заслугами. Гордым Рюриковичам не хотелось подчиниться потомству каких-то Кошкиных и Кобылиных, а вместе с ними признать над собой олигархию новых бояр. В сущности, на помощь этой гордой знати приходило и обычное право древности: оно отдавало предпочтение дядьям перед племянниками, так что законным наследником признавался не ближайший прямой потомок, а старший представитель рода в боковой восходящей линии. На стороне князя Владимира было именно это юридическое преимущество. Таким образом, самими обстоятельствами ему создавалась роль естественного вождя оппозиционной партии.

Как сказано, борьба из-за наследства Грозного завязалась тотчас же, как обнаружилась опасность, угрожающая жизни государя. Но крайней своей силы она достигла тогда, когда Иван потребовал от приближенных, чтобы они принесли его младенцу-сыну присягу в верности. К этому требованию бояре отнеслись самым серьезным образом. Одни подчинились ему добровольно, но нашлись и такие, которые отказались выполнить волю царя, при этом они и не думали скрывать свои истинные побуждения. Конечно, прославленная добродетель царицы Анастасии устраняла всякие сомнения во всем, что касалось ее одной; но, по заявлению непослушных бояр, они не желали служить Романовым. Во всяком случае, говорили они, лучше иметь государем взрослого человека, нежели ребенка. Поведение самого князя Владимира придавало особую силу этим намекам. Предприимчивый соискатель престола не дремал, он совещался с матерью, старался привлечь на свою сторону возможно больше людей и, кажется, не жалел для этого денег.

Два дня продолжалась эта борьба. Как только к умирающему царю возвращались силы, он заклинал верных бояр хранить его малолетнего сына и не давать никому лишить его престола, даже если бы это угрожало им изгнанием. Против непокорных бояр он был пока беспомощен: он только грозил им судом Божиим. Однако, по-видимому, начались какие-то переговоры у ложа умирающего царя. Закулисной стороны их мы, к сожалению, не знаем. Во всяком случае, оппозиция пошла на уступки и, в конце концов, целовала крест царевичу. Пришлось подчиниться и Владимиру. Сначала, правда, он явно уклонялся от непосредственного участия в деле, но волей-неволей и он принужден был подписать тягостное обязательство.

И вдруг умирающий воскрес. По-видимому, реакция его могучего организма была тем энергичнее, чем сильнее была болезнь. Напрасно торопились бояре строить свои расчеты на смерти Ивана: перед ними восстал беспощадный мститель. Его сына хотели лишить престола; его собственной гибели добивались злые люди!.. Грозный никогда не позабудет этого. Конечно, он примет свои меры против виновных.

На первых порах он потребовал от Владимира Андреевича, чтобы тот искупил свою вину, выдав царю грамоту с изъявлением полной покорности и за надлежащей подписью и печатью.

² Этот сын, носивший имя Дмитрий, утонул в том же году в Бело-озере. Его имя было дано затем сыну, о котором – ниже.

В 1554 году у Ивана родился второй сын; тогда он удвоил бдительность. Пришлось Владимиру Андреевичу выдать новое письменное обязательство – не выезжать из Москвы; одновременно он принужден был сократить число своих слуг и обещать царю неукоснительно доносить ему о всякой измене – если бы даже замыслила ее собственная мать его, Евфросинья. После нескольких лет затишья произошло новое событие. Оно явно было подготовлено заранее и вызвало со стороны царя целый ряд строгих мер. Владимир Андреевич посадил в тюрьму одного из своих слуг. Тот обратился с жалобой к царю, обещая разоблачить ему все злые дела своего господина. В Москве подобные доносы были обычным явлением; сам Грозный умел, как никто, инсценировать их и пользоваться этим для своих целей. Началось следствие, стали производить розыск, в конце концов открыли все, что было нужно. Князь Владимир Андреевич был объявлен виновным. Царь созвал высшее духовенство и изложил ему все свои жалобы и обиды. Его речь была полна угроз, но потом он как будто поддался увещаниям и оставил намерение наказать преступника самым жестоким образом. Тем не менее он окружил Владимира Андреевича новыми слугами. В сущности, то были шпионы, которые не покидали несчастного ни на шаг. Грозный на этом не остановился. Он отнял у Владимира Андреевича наследственные владения и поселил его в Кремль, чтобы не упускать из виду. Все это произошло в 1563 году. Окончательная развязка последовала лишь шесть лет спустя.

В ту пору царил опричнина. Москва была охвачена ужасом. Кровь текла ручьями. Казни обрушивались на самых именитых людей. Неумолимый и бесстрастный, Грозный творил самые ужасные злодеяния. Очевидно, убийства не только оправдывались политическими расчетами царя, но и тешили его дикие инстинкты. Князь Владимир был слишком заметен, слишком близок к трону, слишком знаменит своими заслугами. Мог ли он избежать удара? Гибель его ускорил восторженный прием, оказанный князю костромичами. Дело в том, что на границе государства показались татары. Владимир уже собирался стать во главе войска, чтобы отразить набег степных кочевников. Население Костромы горячо приветствовало того, кто мог предотвратить великую беду. Грозный тотчас же воспользовался этим. Представители Костромы были вызваны в Москву: здесь, без суда, их предали казни. Что касается самого Владимира, то царь милостиво пригласил его приехать со своей семьей в Александровскую слободу. Здесь, в этом мрачном притоне убийств и оргий, несчастного князя ожидала коварная ловушка. Впрочем, с этого момента традиционная передача событий окрашивается оттенком легенды. Одни свидетели утверждают, что Владимир Андреевич сам сделал первый шаг к своей гибели: он подкупил царского повара и тайком вручил ему яд. По другим показаниям, все это было гнусным вымыслом самого Ивана, который, очевидно, стремился найти предлог для того, чтобы подвергнуть своего двоюродного брата заранее придуманной казни. Таким образом, Владимиру, его жене и обоим сыновьям пришлось выпить яд, предназначавшийся будто бы для государя. Во всяком случае, достоверно одно: все четверо погибли насильственной смертью. Уцелели только две малолетние дочери несчастного князя.

Пролитая кровь опьянила Грозного. Тотчас после казни Владимира Андреевича с семьей ненасытная месть Ивана обрушилась на мать князя Старицкого. Некогда княгиня Евфросинья была действительно заодно с сыном; поэтому она и делила с ним его горькую судьбу. Но после того она удалилась от мира и уже давно замкнулась, уйдя в монастырь. Однако стены обители не защитили ее от подозрительности Грозного. Не избежала жестокой смерти престарелая Евфросинья! Иван не слишком заботился о том, виновата она или нет; по его приказанию несчастную утопили в Шексне. Река поглотила труп княгини, единственным преступлением которой было то, что она родила на свет ненавистного Ивану человека.

Так, в самый короткий срок сошла с исторической сцены целая линия древнего дома Рюриков. И кто же обрек ее на столь жестокое истребление? Отпрыск того же самого могучего корня... Что побудило его к этому злодейству? Был ли это кровожадный каприз тиранической натуры? Был ли неумолимый расчет холодного политика? Мы знаем, что царь Иван IV был

глубоко проникнут династической идеей. Он постоянно хвалился своим знатным происхождением: по-видимому, совершенно серьезно он считал своим предком самого кесаря Августа... Вспомним, с каким великолепным презрением относился он к таким выскочкам, как, например, Стефан Баторий. Но Грозный был убежден, что власть дана ему Божьим позволением, а не мятежным желанием людей. Передать этот священный дар он мог, по его мнению, только прямому своему наследнику. Всякий другой соискатель царства – будь он такой же Рюрикович – являлся в его глазах не более как самозванцем. Вот почему, не колеблясь, он и обрекал его в жертву своей себялюбивой политики. Несомненно, Иван был проникнут заботой о будущем и вместе с тем самым ревнивым образом охранял свое царственное величие. Однако им владели дикие страсти. Поэтому порой он терял самообладание; кровь бросалась ему в голову. Тогда Грозный забывал и о своем достоинстве государя, и об интересах своей династии. В 1581 году, в припадке гнева, он занес свой страшный посох на собственного сына, царевича, за которого упал к ногам отца. Как известно, вскоре затем в Москву прибыл Поссевин; от него мы узнаем страшные подробности этого события. А между тем и по своему уму, и по годам старший сын Ивана был единственным лицом, которое могло бы принять наследство Грозного. После его гибели преемниками царя оставались двое других сыновей. Один из них был слабуюмный; другой находился еще в младенческом возрасте. По праву старшинства на трон вступил «скорбный главой» царевич Федор.

II

Отныне судьба Московского государства была вверена жалкому вырожденку. Царь Федор Иванович был не более как видимостью царя на престоле Грозного. В сущности, он являлся только манекеном: всю полноту власти он передал своему шурина, Борису Годунову. Это был один из старейших опричников; он едва умел читать и писать, но в лице его своеобразно сочетались способности государственного человека с влечениями азиата-татарина. Возведенный в звание ближнего боярина при царе Федоре, Годунов ревниво сторожил московский престол. В решительный момент, после смерти Федора Ивановича, ему оставалось только протянуть руку к царскому венцу, который, казалось, был предназначен для головы этого смелого игрока. И однако тот же самый Годунов, мечтавший завещать престол своему сыну, собственными руками подготавливал победу неожиданному сопернику. Мы убедимся в этом воочию, для этого нужно лишь напомнить о тех коварствах и борьбе, которыми полно было царствование Бориса.

Впрочем, Московский Кремль XVI века похоронил в своих стенах тайну всех этих мрачных драм. В недрах его кипели яростные битвы, об этом мы знаем по пролитой крови; однако чаще всего подробности этих событий ускользают от нашего глаза. Стремясь сохранить свое положение, Годунов роковой силой обстоятельств вынужден был следовать по пути Грозного; он отступал от него только тогда, когда страшная колея слишком явно увлекала его в область кровавого безумия. Представитель королевы Елизаветы, Флетчер, справедливо заметил, что ярость Ивана IV направлялась главным образом против высшей знати, другими словами, против потомства прежних князей. В этой среде хранились свободолюбивые предания; здесь жили притязания, с которыми волей-неволей приходилось считаться московским государям. Иван стремился преодолеть, точнее говоря, сокрушить эту упорную силу прошлого; он понимал, что утвердить самодержавие можно лишь тогда, когда оно вознесется на недостижимую для всех других высоту. Во имя этого он и погубил своего двоюродного брата, князя Владимира Андреевича. Борис Годунов отождествлял себя с личностью царя Федора. Он чуял врагов в старом, родовитом боярстве; он знал, что, уцелев от бурь эпохи Грозного, оно все еще живет преданиями своего блестящего прошлого и помнит о своих правах. Борьба продолжалась, но характер ее изменился. На Федора не посягал никто; вся злоба, вся ненависть направлялись

против того, кто фактически царствовал в Москве. Дело шло о господстве Годунова; конечно, он готов был на все, чтобы победить.

Одной из первых жертв нового порядка явился старый князь Иван Мстиславский. Это был представитель древнего рода, прославившийся на службе государству, где ему всегда принадлежало наиболее почетное место; он пользовался всеобщим уважением, в котором не отказывал ему даже Иван IV. Опала князя Мстиславского была только первым предостережением. Гораздо серьезнее оказалось громкое дело Шуйских.

Борьба Годунова с Шуйскими происходила на очень скользкой почве. Дело в том, что, независимо от своих личных качеств, Борис был в значительной мере обязан своим возвышением сестре Ирине, супруге царя Федора. Была ли она влиятельна во дворце или нет — не так важно; достаточно того, что сердце государя принадлежало ей, и, конечно, Годунов умел извлечь свою выгоду из этой привязанности. Только одно омрачало тихое счастье царственной четы: у Ирины не было детей. Однако надежда на потомство не оставляла супругов. Они ждали его терпеливо; королева Елизавета прислала им из Лондона врача и бабуку... Но враги Бориса не дремали. Они замыслили развести царя с женой и сочетать Федора новым браком; согласно обычаю, Ирина должна была уйти в монастырь. Для осуществления задуманного плана они рассчитывали привлечь на свою сторону народ; затем, вместе с ним, намеревались ударить царю челом и просить его пожертвовать во имя государства своим семейным счастьем. Разве дед его, Василий, не развелся с первой женой? Разве не вступил он в новый брак? Почему же Федору не последовать его примеру? Ведь все будущее Русской державы висит на волоске. Нетрудно угадать, каковы были истинные расчеты этих людей. Конечно, удаление Ирины повлекло бы за собой падение Бориса; таким образом, одним и тем же ударом достигались сразу две цели: династия была бы спасена от гибели, а ненавистный временщик был бы устранен с дороги³.

Душой заговора были, по-видимому, князья Шуйские, Рюриковичи по крови. Владевшие некогда Суздалем, они, конечно, затмевали Годунова блеском своего происхождения. Наследственные права дома Шуйских были известны даже за пределами Руси; мы знаем, например, что великий канцлер Польши не задумался признать их публично. «За отсутствием прямых наследников престола, — заявил Замойский на сейме 1605 года, — наибольшие права на трон московский принадлежат князьям Шуйским». К знатному происхождению этой семьи присоединились заслуги ее перед отечеством, и все это озарялось блеском несметного богатства, заключавшегося не только в движимости, но и в обширных земельных владениях. Конечно, у Шуйских были могущественные связи: сторонников этого княжеского рода можно было найти во всех слоях тогдашнего общества, начиная с высшей знати и кончая простыми людьми. Таким образом, в заговоре против Бориса принимали участие самые разнообразные слои населения. Здесь были и представители духовенства, и бояре, и купцы, и черный городской люд; словом, в рядах оппозиции представлены были все группы московского населения. Движение усиливалось с каждым днем, к нему присоединялись все новые и новые участники... Наконец удар разразился. Однако его постигла самая плачевная неудача. Раздалось слово — «государственная измена»; правда, оно еще не имело тогда страшного теперешнего смысла. Тем не менее началось следствие, которое правительство повело с величайшей строгостью.

Вся тяжесть обвинения обрушилась на Шуйских. Вместе со всей родней, слугами и друзьями они подверглись неумолимому гонению. Уголовное законодательство этой эпохи отличалось крайней суровостью; судьи могли свирепствовать как им угодно. Однако и здесь сказалось уважение к принципу иерархии: бояре избегли пыток; их не коснулись ни огонь, ни железо; все это досталось на долю подсудимых менее знатного происхождения. Только одно

³ Здесь приходится коснуться чрезвычайно темного сообщения русских летописей (т. VIII). Несомненно, против Бориса был составлен заговор; однако был ли развод его лозунгом — сказать трудно.

правило проводилось без всяких изъятий: тайна покрывала судебное следствие, допрос, все показания, она облакала все непроницаемой завесой. Вообще темницы Кремля умели хранить молчание не хуже, нежели страшные казематы Венеции. Тем неожиданнее разразился обвинительный приговор, тем сильнее было произведенное им впечатление. Кара обрушилась прежде всего на Шуйских; ее не избежал и герой псковской обороны, счастливый противник Батория, непобедимый князь Иван Петрович: пришлось и ему удалиться в ссылку. Участь его разделил князь Андрей Иванович. Достоверны или нет показания летописи, но она сообщает нам, что немедленно по прибытии на место оба князя были убиты. Другие члены рода Шуйских, вместе со своими сообщниками-боярами, также были высланы из Москвы; имущество их было конфисковано. Правительство не пощадило самого митрополита Дионисия, который, очевидно, лучше знал грамматику, нежели умел вести политическую игру: местом заточения для него был назначен отдаленный монастырь. Согласно обычаю, самые жестокие кары постигли менее виновных и менее знатных участников заговора: то были подлинные жертвы общественного неравенства. Шесть или семь человек поплатились головой; значительно большее число было посажено в тюрьмы. Так была рассеяна и сокрушена партия Шуйских, отныне ей трудно было возродиться. Однако Годунов со страхом думал о последствиях своих жестоких мер; он боялся, как бы они не повредили славе Федора. Ему не хотелось, что бы кто-либо вообразил, будто на троне восседает новый Грозный. В это время в Польшу отправлялось из Москвы посольство. Желая рассеять тяжелое впечатление своих репрессий, Годунов дал послам тонко обдуманную инструкцию. Пусть они превозносят царя Федора и его милосердие; пусть, напротив, всячески чернят Шуйских; пусть говорят, что князья задумали изменить государю, объединившись с «мужиками». Таким образом, всякому будет ясно, что виновные вполне заслужили ссылку и смерть.

Все это происходило в 1587 году. Поглощенный борьбой не на жизнь, а на смерть со своими врагами, Годунов, однако, не удовлетворился своим торжеством над ними. В ту пору на берегу Рижского залива, забытая всеми, жила молодая вдова. Казалось, никому она не внушала ни участия, ни подозрений. Однако она была связана кровными узами с домом Рюрика; честолюбцы могли легко воспользоваться именем, этого было достаточно, чтобы привлечь к ней внимание Бориса. Молодая женщина была одной из дочерей князя Владимира, подвергшегося столь жестокой казни в Александровской слободе. Капризом судьбы она была брошена на берега Двины. Иван IV внезапно вспомнил о ней, чтобы провозгласить ее королевой придуманного Ливонского государства. Последнее создано было якобы для Магнуса, но в действительности должно было служить целям московской политики. Чтобы обеспечить союз Магнуса с Грозным, будущего короля заставили вступить в брак с русской княжной: таким образом, Мария Владимировна и стала его супругой. Бедной девочке едва минуло 13 лет, но это не помешало осуществлению плана: Стоглавый собор допускал брак и с двенадцатилетними невестами. Однако датский герцог был протестантом. Желая избежать скандала, благочестивый Иван придумал особую форму бракосочетания Магнуса с Марией. Перед алтарем обряд совершал православный священник; протестантский пастор делал свое дело в дверях церкви... Таким образом, молодые венчались, стоя врозь друг от друга, зато святыня храма не была осквернена еретиками. Вся дальнейшая жизнь Марии была сплошным рядом жестоких испытаний. Первое разочарование постигло ее уже при получении приданого. Царь обещал Магнусу дать за невестой кучи серебра; вместо этого он прислал лишь рухлядь и платья. В довершение всего, Магнусу так и не удалось поцарствовать нигде. Одни не соглашались признать его королем, другие оказывали ему слишком слабую поддержку, большинство вело против него тайную или явную борьбу. В конце концов, потеряв все, злополучный «король» умер с горя в 1583 году, когда Ливония, ограбленная и разоряемая со всех сторон, стала добычей поляков. Стефан Баторий назначил вдове Магнуса скромную пожизненную пенсию: она едва спасала ее от нищеты.

При таких условиях не было никакого труда представить для Марии возвращение на родину в самом заманчивом свете. Честь удачного выполнения этого плана приписывает себе английский дипломат при московском дворе Горсей. Мы знаем, что он пользовался большим доверием московского правительства; однако в свой рассказ он вносит слишком явный элемент романического вымысла. По его словам, сам Годунов возложил на него поручение склонить Марию вернуться на родину. Горсею будто бы скоро удалось вкратце в душу молодой вдовы: своими речами он довел ее до слез, хотя одновременно и сыпал золотом направо и налево... Затем он так сумел организовать отъезд Марии, что всякое преследование ее было невозможно. Обращаясь к официальным данным, мы не находим там ничего подобного этим пикантным подробностям. Содержание их сухо и просто, как сама действительность. По свидетельству этих документов, в феврале 1586 года царь Федор сообщил кардиналу Радзивиллу, временному правителю Ливонии, что Мария желала бы вернуться в свое отечество. Этим высоким посредничеством дело было решено, и вдова Магнуса беспрепятственно уехала в Москву. Надо думать, однако, что между заинтересованными лицами уже раньше состоялось тайное соглашение по этому поводу. Очевидно, кое-кому не хотелось отпускать дочь князя Владимира с глаз; вероятно, ее заманили обратно всяческими обещаниями, и бедная вдова поддалась на эту уловку. Но скоро ее постигло горькое разочарование. Она попала лишь из одной тюрьмы в другую и остаток дней своих провела в печальном уединении далекого монастыря. В 1587 году судьба отняла у нее последнее утешение: она потеряла единственную дочь.

Ближайшие годы были ознаменованы гибелью новых и новых жертв. Ряды членов царствующего дома становились все реже и реже. Смерть делала свое дело. Она косила одного за другим точно по намеченному плану, причем порой эта страшная работа окутывалась непроницаемым покровом тайны. В 1591 году сошел со сцены последний представитель дома Рюрика, младший брат Федора, царевич Дмитрий. Был ли он убит или, спасаясь от смерти, бежал куда-то из Углича – дело темное. Ниже мы еще вернемся к этому вопросу. В 1594 году Кремль постигла особенно тяжелая утрата. Как известно, царица Ирина уже несколько раз преждевременно разрешалась от бремени. Это давало повод к самым пессимистическим предсказаниям. И однако, вопреки им, у государыни родилась наконец дочь, нареченная при крещении Феодосией. Этот «дар Божий» принес родителям больше горя, нежели радости. Ребенок оказался хилым, и скоро из колыбели его перенесли в могилу. Надежды семьи были разбиты. Между тем слабое здоровье Федора заставляло опасаться преждевременного конца. Эти страхи оказались не напрасными. В 1598 году скончался и сам царь. В его лице сходила со сцены историческая династия Рюрика. Престол московский оставался вакантным. Наступал поворотный момент русской истории.

Смутное предчувствие великих бедствий начинало овладевать умами русских людей. Благочестивые книжники с тревогой взирали на будущее и призывали народ к горячим молитвам. Зоркие посторонние наблюдатели уже давно предвидели гибель династии; роль, которую судьба готовила Годунову, угадывалась при этом сама собой. Хотя Флетчер в 1588–1589 годах провел в Москве всего несколько месяцев, он отлично сумел понять то критическое положение, в котором находилось государство. «По-видимому, – говорил он еще при жизни Федора и Дмитрия, – царствующий дом скоро прекратит существование». Он видел, что страна уже охвачена смутой, что ее терзают неурядицы; все это, в глазах Флетчера, было следствием тирании Ивана IV. Во всяком случае, подобное зрелище отнимало у него всякую надежду на благополучный исход, так что с уверенностью настоящего ясновидца он видел вдали «пламя междоусобной войны». Эти предчувствия вполне разделял представитель Рудольфа II при московском дворе и тонкий дипломат бургграф Дона. Он заявлял в своих донесениях, что Годунов бесконтрольно управляет Русским государством и явно мечтает о короне. Поэтому в Вене господствовало убеждение, что всемогущий правитель сумеет в должный момент завладеть царской властью, присвоив ее либо себе самому, либо сыну. Вот почему, учитывая эту возмож-

ность, венский двор обращался к Годунову с изъявлениями дружбы и предлагал ему заключить союз для борьбы с турками.

Надо заметить, впрочем, что сами обстоятельства слагались удивительно благоприятно для Бориса. Годунов неуклонно стремился занять первое место среди бояр. Его успехи на этом поприще шаг за шагом приближали к трону. Борис сумел приобрести небывалый престиж; постепенно он поднялся на высоту, совершенно недоступную для остальных. Одними своими пышными титулами он затмевал всех других придворных. Из простого опричника он превратился в конюшего и ближнего боярина, воеводу царского двора, наместника царства Казанского и Астраханского и, наконец, правителя государства. Разумеется, он постарался придать всем этим громким званиям реальную силу. Годунов занимал в Кремле исключительное положение. Ни одно дело не миновало его; он был источником всевозможных милостей. По словам Флетчера, он был настоящим «императором». Между прочим, ему принадлежало небывалое доселе право: он мог непосредственно сноситься с иноземными державами – с крымским ханом, с кесарем, с каким угодно государем.

При этом Борис явно стремился подчеркнуть свои prerogatives. Он окружил себя пышным этикетом, держал на почтительном расстоянии от себя прежних своих сослуживцев, присваивал себе самые высшие знаки отличия. На его приемах у иностранных послов естественно рождался вопрос: не царь ли дает им аудиенцию? Они видели перед собой те же вереницы бояр, те же роскошь, блеск и пышность церемониала. Речи Бориса довершали иллюзию; он явно давал понять, что сносится с государями, как равный с равными, и старался показать, что к голосу его внимательно прислушиваются за границей. Политическим успехам Годунова соответствовал рост его богатства. Никто из бояр не мог равняться с ним своими доходами; он был самым крупным земельным собственником государства. Словом, это был настоящий царь; ему недоставало лишь одного – народного признания. Но Годунов сумел добиться и этого, и восторженные клики его сторонников заглушили робкий протест оппозиционных элементов. Немедленно по вступлении своем на престол Борис Годунов оказался истинным учеником Ивана IV. Он понял, что необходимо придать власти характер религиозного принципа. Подобно священной особе византийского кесаря, русский царь должен быть окружен ореолом сверхчеловеческого величия; источником его могущества должно быть само небо. С этой целью Борис приказал оставить и разослать повсюду торжественное обращение – молитву к «триипостастному Божеству; неразделимой Троице». Здесь призывались благодать Божия к «Божьему слуге великому и благочестивому и Богом избранному и Богом почтенному и превознесенному и Богом снабдимому и на царский престол возведенному» царю Борису Федоровичу, «всея Руси самодержцу», и к его «царского пресветлого Величества» царице Марии Григорьевне, и к их «царским чадам» царевичу Федору и царевне Ксении, и ко всем «прекрасноцветущим младоумножаемым ветвям царского изращения», дабы оно «в наследие превысочайшего Российского царствия было навеки и нескончаемые веки без урыву». «Чтобы его царская рука высилась и имя его славилось от моря до моря, и от рек до конец вселенныя надо всеми недруги его... чтобы все под небесным светом великие государи христианские и бусурманские его царского Величества послушны были с рабским послужением... и от посещения бы меча его, от храброго подвига, все страны бусурманские его царского Величества имени трепетали с боязнью и с великим страхом и сетованием. И просим у Господа Бога, чтоб... на нас бы на рабах его от пучины премудрого своего разума и обычая мудрого и милостивного нрава неоскудные реки милосердия изливались выше прежнего... святая бы непорочная христианская вера сияла на вселенной превыше всех... так же честь и слава его царского Величества высилась превыше всех великих государств на веки веков...»

Конечно, все эти дифирамбы оказывали свое впечатление на умы простодушных людей. Однако притязания, заключенные в них, оставались эфемерными. Царствование Бориса сопровождалось зловещими явлениями, которые превратили подозрительного царя в жестокого

тирана. Он чувствовал, что власть ускользает из его рук, знал, что тайные враги замышляют его гибель... Они были неуловимы – и удары его обрушивались на их мнимых сообщников. Казалось, в государстве действует какой-то тайный закон о подозрительных: страх измены не покидал царя ни на минуту. Месть его не щадила лучших друзей. Однако наибольший шум вызвала опала Романовых. Недавние союзники оказались непримиримыми врагами.

В летописи мы находим рассказ о том, как произошла эта неожиданная катастрофа. По-видимому, Борис уже заранее решил про себя погубить Романовых, нужно было найти только подходящий предлог для этого. В подобных случаях чаще всего прибегали к подкупу слуг; последние становились обвинителями своих господ. Однако в деле Романовых эта тактика не сразу увенчалась успехом. Врагов Бориса окружали столь преданные люди, что даже попытка не вырвала у них никакого показания, обличающего Романовых. Тогда правительство попробовало подействовать заманчивыми обещаниями. Это средство оказалось более верным: нашелся предатель, который вызвался помочь делу. Впрочем, данное ему поручение было не из трудных: он должен был подбросить к Романовым врученный ему мешок и затем сделать донос. Эта хитрость оказалась вполне достаточной. Правительство намеренно подняло шум; пресловутый мешок был найден и приобщен к делу; когда его содержимое высыпали на стол, там оказались подозрительные коренья. После этого виновные и их сообщники не могли уже избежать наказания. Всякому было очевидно, что они недаром хранили у себя зелье.

Все это нам теперь представляется вздором. Но в то время подобные выдумки принимались всерьез. Во всяком случае, легко угадать, какова была основа всего этого дела. В 1601 году против Романовых и их сообщников начато было формальное следствие; как принято говорить в наши дни, оно велось самым тенденциозным образом. В сущности, против обвиняемых нельзя было выдвинуть ни одной улики: никакого преступления они не совершали. Годунов питал к Романовым чисто личную неприязнь: он был убежден, что при своих связях и положении в обществе они мечтают о престоле. Несомненно, они находились в оппозиции; Борис чувствовал безмолвную силу этого сопротивления. Это раздражало его подозрительность. Между тем начинали распространяться слухи о каком-то новом соискателе престола: все это внушало опасения насчет тайного заговора, направленного против законного царя.

Разумеется, дело Романовых не могло кончиться благоприятно для обвиняемых. Суд приговорил их к лишению имущества и ссылке. Первое место среди осужденных принадлежало боярину Федору Романову, будущему патриарху Филарету. Его постригли в монастырь; жена его также стала инокиней; оба были заключены по монастырям. Шестилетнего сына его, Михаила, отобрали у родителей и передали родственникам, жившим далеко от Москвы. В лице этого ребенка скрывался будущий основатель новой династии. Напрасно думал Годунов, что он покорит себе судьбу: в безвестности и тишине уже подрастал тот, кто со временем явится избранником народа и главой нового царствующего дома.

Но до этого Русь должна была пережить тяжкие испытания. Предвестием их явилась драма, разыгравшаяся в Угличе. Напомним здесь некоторые ее моменты.

III

15 мая 1591⁴ года в далеком углу Русской земли во дворце города Углича умер ребенок. Кто он был? Царевич Дмитрий, говорят одни, сын Ивана IV, брат царя Федора, последний представитель мужской линии Рюрикова дома. Отнюдь нет, возражают другие. В Угличе погибло другое дитя; отцом его был какой-нибудь князь, священник, кто угодно, только не Дмитрий, ибо последний, по всей вероятности, каким-то образом спасся от смерти.

⁴ С этого места до конца главы все даты соответствуют старому календарю. В XVI в. он отставал на 10 дней от григорианского.

Оставим пока открытым вопрос о личности убитого младенца. Спрашивается: вполне ли достоверно, что он погиб насильственной смертью? Как известно, одни утверждают, что его зарезали наемные убийцы; по мнению других, он сам наткнулся на нож в припадке болезни. Любопытно, что каждая из двух противоположных версий подтверждается показаниями очевидцев. Они клянутся, что говорят чистую правду; они противоречат друг другу и себе самим и вновь дают клятвы.

Следствием такого рода свидетельств явилась литературная война, которая продолжается вот уже три века. Ей предшествовала другая борьба – более кратковременная, но, пожалуй, и более жестокая. Противными сторонами в ней были русские и поляки: уже не чернила, а кровь проливали они целыми потоками... Одни выступали против Дмитрия; другие защищали эту загадочную личность, самое существование которой подвергалось сомнению. Яблоком раздора служил московский престол. Дмитрий добивался его, как своего наследственного достояния; но Годунов совсем не был расположен отказаться от своей власти в пользу преступника и темного искателя приключений... На чьей стороне была правда? Сами современники колебались в решении этого вопроса: мы имеем от них только обрывки истины. К тому же слишком часто их показания внушены страстью, и голос их заглушается бряцанием оружия. Первые сомнения рождаются уже около бедного детского трупа в Угличе. Во всяком случае, каково бы ни было происхождение этого ребенка, его агонией открывается целая эпоха. С этого момента начинается роковая пора великой Смуты. Совершенно естественно остановить свое внимание на столь важном историческом событии.

В своих основных чертах это событие сводится к следующему. 19 октября 1583 года седьмая супруга Ивана IV, Мария Нагая, разрешилась от бремени сыном, нареченным Дмитрием. Это дитя родилось не в добрый час. Только что закончилась несчастная война России с Польшей, и Грозный уже вел переговоры с Лондоном о новом браке с Марией Гастингс. При этом он ссылаясь на то, что тогдашняя супруга его, Мария Нагая, не принадлежит к царскому роду. Неожиданная смерть разрушила все планы царя. Как известно, престол его унаследовал Федор. Что касается Дмитрия, то он получил в качестве удела три провинциальных города. Главным из них являлся Углич. Опекуном малолетнего царевича был назначен Богдан Вельский. Это был один из ближайших доверенных покойного государя; он же был его посредником при связях с Поссевином.

Уже в самом начале царствования Федора по отношению к Дмитрию была принята совершенно необычная и исключительная мера. По распоряжению царя малолетний брат его был отправлен в Углич. Может быть, такое решение имело в виду ослабить борьбу придворных партий. Может быть, оно ставило своей целью предупредить попытку дворцового переворота. В таком случае нельзя не признать этого хода достаточно ловким. Богдан Вельский не уехал из Москвы вместе с маленьким царевичем. Он остался в столице, этом центре государственных дел и политических интриг; однако он удержался здесь недолго. Предлогом для его удаления от двора явился народный мятеж. Вельский был назначен наместником в Нижний Новгород и волей-неволей должен был расстаться с Москвой.

Между тем с прибытием Дмитрия давно пустовавший и скромный Углический дворец сразу оживился. По соседству с ним устроилось все семейство Нагих. Вместе с царевичем в Углич прибыла вся обстановка маленького двора. Ребенок был окружен целым штатом женщин; при нем постоянно находилась мать; за ней стояли его дядя. Конечно, и Борис Годунов не терял Дмитрия из виду. Заботился ли он о его благополучии? Выжидал ли удобного момента, чтобы погубить царственного ребенка? Никому не удалось разрешить эту загадку, и само время не рассеяло окутывающей ее тайны. Во всяком случае, рано начали ходить какие-то зловещие слухи. В 1588–1589 годах в народе толковали, что царевича пытались отравить, но неудачно; высказывались опасения, как бы малютка не пал жертвой того, кто сам мечтает сесть на престол после смерти бездетного Федора... И вот внезапно, вместе с ударами набата,

из Углича донеслась страшная весть. Царевич убит; толпа растерзала убийц, захваченных на месте. Как всегда, в передаче события было много смутного и противоречивого. Шли речи то о несчастном случае, то о злодействе, то о народном смятении, то о восстании...

Москва была поражена как громом. Борис Годунов понял, что нельзя медлить с разяснением дела. Было слишком опасно позволять подозрениям собираться над его головой. Немедленно была назначена правительственная комиссия: ей было поручено безотлагательно выехать в Углич и произвести следствие. Разумеется, Годунов позаботился ввести в комиссию самых подходящих людей. Во главе их стал Василий Шуйский. Уже некоторое время он был в чести при дворе, хотя и не получал разрешения жениться: слишком боялись того родового имени, которое носил этот князь... Василий Шуйский был человеком, способным на все: он был беспринципен и бессовестен, ловок и хитер. Внешность его была самая вульгарная: взгляд его красных глаз был неуловим и лжив. Присяге этот человек изменял уже не раз. Его сотоварищем по комиссии являлся Андрей Клешнин, который находился в большой милости при дворе. Женой его была княжна Волхонская – неразлучная подруга царицы Ирины; между ними не существовало тайн. Сам Клешнин пользовался исключительным доверием царя Федора и был глубоко предан Годунову. Двое других членов комиссии были менее заметными фигурами. Дьяк Вылузгин выполнял лишь свои обычные служебные обязанности, а митрополит Геласий нужен был для того, чтобы придать следствию известный религиозно-нравственный авторитет.

Комиссия с величайшей поспешностью выехала в Углич и 19 мая 1594 года уже открывала свои действия. Протоколы ее заседаний записывались на длинных листах; пожелтев от времени, они до сих пор почти в полной неприкосновенности хранятся в Московском архиве. Читая эти документы, мы слышим как будто голоса с того света, они воскрешают весь ход судебного следствия. Перед нами проходят три главные группы свидетелей. На первом месте выступают Нагие, за ними идут очевидцы происшествия, наконец, следуют показания других лиц, которых комиссия сочла нужным привлечь к делу.

Что касается Нагих, то самые важные данные могла бы сообщить, разумеется, сама мать царевича, Мария. Однако сан царицы не позволял ей выступить с показаниями при допросе. Поэтому ее оставили в покое с ее материнским горем. Три брата Нагих, напротив, не избегли дачи показаний; при этом самая важная роль выпала на долю князя Михаила. Ему задавали самые предательские вопросы; комиссия во что бы то ни стало хотела добиться от него признания в злодействе; однако князь не поддался на уловки и смело бросил в лицо следователям свой вызов. По его словам, в субботу, 15 мая, он услышал набат. Испугавшись пожара, он бросился ко двору. Здесь увидел убитого царевича. Осип Волохов, Никита Качалов и Данила Битяговский умертвили младенца. Сбежался народ, привлеченный набатом; толпа бросилась на убийц и растерзала их вместе с другими сообщниками. Что касается самого князя, то он был ни при чем в этой расправе, он не приказывал убивать никого. На него просто возвели гнусную клевету.

Заявление Михаила Нагого могло быть чревато самыми серьезными последствиями. Как мы знаем, царевичу было всего восемь лет. Конечно, у него не могло быть личных врагов; единственное, чем он мог возбудить темные чувства, были его наследственные права на власть. Возникал вопрос: уж не послал ли к нему наемных убийц какой-нибудь тайный честолюбец? Легко понять опасность этой догадки: естественно, что следователи желали уничтожить ее в самом зародыше. Вот почему они немедленно изменяют все направление своей работы, теперь главной задачей их является опровергнуть или, по крайней мере, ослабить главное показание князя Михаила. Для этой цели нетрудно было воспользоваться свидетельством двух других Нагих – Андрея и Григория. Оба они вместе с Михаилом прибежали ко дворцу и вообще находились в одинаковых с братом условиях. И однако они не только не видели того, что видел старший брат, но, напротив, успели заметить совсем другое. Таким образом, вся ответственность за смелое показание падала на одного князя Михаила. Но этого мало. Явился еще новый

свидетель: это был некий Русин Раков – какая-то темная личность из категории низших служащих. Он разыграл роль раскаявшегося соучастника злодейства и раскрыл целый заговор, который окончательно скомпрометировал старшего Нагого. По словам Ракова, князь Михаил намеренно натравил толпу на мнимых убийц и погубил совершенно невинных людей: он хотел будто бы, чтобы эти несчастные жертвы были признаны за настоящих преступников. Сам Раков, по приказанию князя, зарезал 18 мая курицу; в ее крови он смочил ножи и огнестрельное оружие, а затем положил его возле трупов. Таким образом, князь Михаил хотел выгородить толпу и себя самого, как ее подстрекателя. Пусть-де видят, что убиты были вооруженные люди, которые – ясное дело – пустили в ход свое оружие. Конечно, для того чтобы эта хитрость удалась, нужно было, чтобы она осталась тайной для московских следователей. Поэтому шесть раз в течение одного дня князь Михаил требовал к себе Ракова и брал с него клятву, что тот будет молчать. Раков так и делал. Но затем он одумался и решил сам прийти в комиссию, чтобы повиниться и загладить свой проступок. Показания Ракова нанесли свидетельству князя Михаила тяжкий удар. Для окончательного опровержения слов Нагого нужно было теперь противопоставить ему другого свидетеля, который дал бы еще более обоснованные и удостоверенные показания. Как мы видели, почву для этого подготовили уже двое других братьев Нагих. Фундамент под все это строение был подведен Василисой Волоховой, которая сообщила при этом и все необходимые детали. Василиса занимала самое видное положение среди женщин, окружавших царевича: она была мамкой несчастного Дмитрия. Ее уж никак нельзя было признать нервнобольной, зато она видела всякое и не лезла за словом в карман. Сын ее был убит в свалке, как один из соучастников преступления; ее саму помяли изрядно, но ни боль, ни горе матери, ни волнение ничего не могли сделать с ней. Василиса выступает как непосредственный свидетель происшествия. Она все видела, все слышала; память не изменяет ей ни в чем, и слова, как горох, сыплутся с ее языка. Если верить ей, она обнаружила во время трагедии изумительное хладнокровие, можно сказать, почти героическую твердость духа. По ее словам, царевич страдал эпилепсией. Время от времени с ним случались жестокие припадки. В конвульсиях он однажды поранил свою мать большим гвоздем и искусал руки дочери Андрея Нагого. За несколько дней до несчастья он опять хворал. Потом ему стало лучше, и он снова вернулся к своим обычным играм. В субботу, 15 мая, царица послала его к обедне, а затем отпустила погулять на двор. Тут-то и случилась беда.

На дворе, кажется, было всего-навсего три женщины и несколько детей. Царевич весело играл в тычки и, собираясь бросить свой нож в цель, держал его, как полагается, в руке. Вдруг с ним случился припадок. Он опрокинулся навзничь и накололся горлом на нож. Тотчас же он забился, затрепетал и скончался. Выбегает царица. Она видит сына своего в крови, сердце у нее упало... Но гнев в ней оказался сильнее любви. Она схватила полено и набросилась на мамку, грозя разбить ей голову. Мы представляем себе эту картину... Мать в отчаянии кричит, что царевича убили; в лицо Василисе она бросает имена злодеев; между ними – сын мамки, Осип... А Волохова под градом ударов, осыпаемая гневными укорами, спокойно требует суда... Между тем подбегает Григорий Нагой. Царица передает ему полено и велит бить мамку по пояснице... Затем, полумертвую, ее бросают и принимаются бить в набат. На вопли колокола собирается отовсюду встревоженный народ; возбужденная, взволнованная чернь врывается на двор. Новая картина: Василису терзает уже народ; в лохмотьях вместо платья, простоволосую, ее тащат в тюрьму. Но мамка не теряется и здесь: внимательным оком своим она следит за всеми перипетиями разыгравшейся кровавой драмы. Она видит, как один за другим подбегают те, которых называют убийцами царевича; только одного из них приволокли на место силой. Василиса слышит, как царица и ее брат Михаил требуют смерти злодеев. На ее глазах их тут же и приканчивают... Но она не плачет, не жалеет царевича, зато помнит, как убили какого-то несчастного только за то, что он выразил ему сострадание. На следующий день после всех этих ужасов

она все еще настолько бодра, что помнит, как казнили какого-то юродивого. Его обвинили в том, что он будто бы напустил беду на царевича.

По-видимому, показания Василисы разом пролили свет на все дело. Можно сказать, что рассказы мамки как нельзя лучше соответствовали тайным намерениям комиссии. При таких условиях было совершенно не важно, видела ли она все собственными глазами или же нет⁵. Вот почему никто и не думает проверять ее свидетельства. Явные несообразности в передаче Василисы не обращают ничьего внимания. Об очной ставке с другими лицами не возникает и вопроса. Ловкая мамка разрушила версию о преднамеренном убийстве царевича; этим самым устранялись всякие опасные догадки. Василиса дала формулу, к которой оставалось только присоединиться всем остальным свидетелям.

И действительно, как будто бы кто-то заранее продиктовал им условленный ответ; точно они заучили его наизусть. Кое-что, наиболее трудное, они рассказывали на память, своими словами. Во всяком случае, во всех этих показаниях неизменно повторяется один и тот же мотив. Дмитрий сам убил себя в припадке; он накололся горлом на нож; долго бился и, наконец, испустил дух. Разумеется, первое слово должно было принадлежать свидетелям-очевидцам. Мы знаем уже, что в момент несчастья с царевичем играли другие дети. Их было четверо. Уже один их возраст являлся гарантией искренности. Допрашивая каждого из них в отдельности, можно было без всякого труда, хитростью или насильно, вынудить их рассказать все, что они видели. Комиссия предпочла иной путь: дети все вместе, в унисон, повторили перед нею все те же заученные слова. То же самое, как эхо, слышали московские следователи и от двух женщин, состоявших при царевиче. И таким образом, список главных свидетелей по делу был исчерпан комиссией с удивительной быстротой. Казалось, что, найдя нужную версию, следователи старались поскорее предупредить всякие возражения против нее: очевидно, им хотелось, чтобы она во что бы то ни стало сохраняла свою силу.

Для этого комиссия воспользовалась целой массой услужливых свидетелей. Если очевидцев несчастья было мало, то людей, слышавших о нем, находилось сколько угодно. Страшная весть мгновенно облетела город и распространилась по его окрестностям. Таким образом, свидетелей оказалось бесконечное множество: оставалось брать их обеими руками. И вот перед комиссией потянулись горожане и сельские жители, должностные лица всяких званий и духовенство разных родов... Тут были и архимандриты, и монахи, и простые священники... Один из таких попов, по прозвищу Огурец, был когда-то смещен в пономари за то, что слишком рано лишился жены. Конечно, были допрошены и все служившие во дворце – начиная с детей боярских и кончая поварами, поваренками, пекарями, истопниками, конюхами и скотниками. Раз два-три – правда, очень робко – слышались в этом хоре свидетелей некоторые диссонансы. Но в общем формула Василисы повторялась всеми самым добросовестным образом, весьма определенно и в совершенно одинаковых выражениях.

Допрос уже подходил к концу, когда новая группа свидетелей внесла в дело совершенно неожиданный элемент. Читатель помнит, что смелый обличитель убийства царевича, Михаил Нагой, сам оказался в роли подстрекателя к расправе над мнимыми преступниками. Теперь свидетели заявили, что весь день 15 мая князь был мертвецки пьян. Таким образом, его показания теряли силу; с другой стороны, с него снималась всякая ответственность. Словом, здание, с таким трудом воздвигнутое комиссией, грозило рухнуть в прах. Однако следователи торопились в Москву: они совсем не были расположены снова приниматься за дело с самого начала. Поэтому ограничились занесением нового свидетельства в протокол и не придали ему никакого значения. Они едва согласились уделить несколько минут царице Марии. В самый день их отъезда мать царевича пригласила к себе митрополита Геласия. Она ни на что не жало-

⁵ Четверо детей, игравших с Дмитрием и бывших очевидцами происшествия, не упомянули о Василисе, перечисляя женщин, присутствовавших на дворе. Это умолчание решительно необъяснимо.

валась, никого не укоряла, лишь просила помиловать «червей земных»; так называла она собственных братьев.

Протоколы следствия были увезены комиссией в Москву. Конечно, они должны были лечь в основу судебного разбирательства. Что же можно сказать об этом материале?

Были ли вполне добросовестно собраны все данные по угличскому делу? Конечно нет. По-видимому, Шуйский с товарищами не слишком озабочены были раскрытием истины. Они заносят в свои протоколы ряд самых вопиющих противоречий и нисколько не стараются разобратся во всем этом хаосе. Невольно бросается в глаза искусственное построение следствия: оно ведется явно тенденциозно. Цель его нетрудно угадать. Комиссия стремится во что бы то ни стало устранить предположение о преднамеренном убийстве и подтвердить версию об эпилептическом припадке. Конечно, в этом случае незачем было бы отыскивать тайных вдохновителей убийства.

Протоколы угличского следствия уже не раз подвергались самому тщательному анализу со стороны историков. По правде говоря, весь этот труд нам кажется потраченным даром. Мы уже сказали, что комиссия Шуйского не заслуживает никакого доверия. Если бы даже ее данные сами по себе и были неуязвимы для критики, во всяком случае, одно, чисто внешнее обстоятельство сводит на нет значение всего этого материала. Дело в том, что сам председатель комиссии, Шуйский, отрекся от дела собственных рук. После целого ряда самых подозрительных колебаний он торжественно поклялся перед аналоем, что Дмитрий пал невинной жертвой наемных убийц и заслужил мученический венец. Мы еще увидим, как этот клятвопреступник будет первым простираться в прах перед останками «святого» Дмитрия при перенесении их в кремлевскую усыпальницу русских царей. Разве не говорит все это о том, что руководимое Шуйским следствие не заслуживает никакой веры?

Впрочем, никто еще не предвидел возможности такого оборота дела со стороны Шуйского, когда 2 июня члены комиссии прибыли в Москву. Весь собранный ими материал был немедленно передан царю. Федор отослал его патриарху Иову, митрополитам и всему собору. В присутствии высшего духовенства и бояр документы, привезенные из Углича, подверглись пересмотру. По прочтении их первое слово было предоставлено креатуре Годунова, патриарху. Иов был человеком непостоянного и слабого характера. Впоследствии, подобно Шуйскому, и он отрекся от своих слов. Но в данный момент он высказал взгляд, который, очевидно, был составлен им заранее.

По мнению патриарха, материал следствия был достаточно полон и не заключал в себе никаких противоречий. Ясно как день, что Дмитрий погиб в припадке болезни, а князь Михаил воспользовался этим случаем, чтобы свести со своими врагами личные счеты: так совершилось неслыханное, гнусное злодейство. Вместе с князем Михаилом в преступлении повинны оба его брата, а также все угличане. Патриарх, очевидно, совершенно не признавал ни смягчающих обстоятельств, ни различных степеней виновности. В его глазах все обвиняемые оказывались убийцами, все они должны были отвечать перед судом и понести самую тяжелую кару. Словом, Иов был сторонником массовых мер. Впрочем, ввиду мирского характера всего дела он смиренно предоставлял его на благоусмотрение царя. Ведь государь обладает неограниченной властью казнить или помиловать, и воля его руководится велением свыше. Что касается его самого, то он, инок Божий, будет неустанно молить всеблагого Создателя за царя и царицу, прося ниспослать им здравие, спасение и мир. Всеми этими заявлениями глава русской церкви, очевидно, заранее развязывал руки Годунову. Мало того, он обещал ему беспрекословное одобрение всех мер, которые тому заблагорассудится принять.

Таков был суд патриарха. Теперь оставалось только санкционировать его приговором самого царя. Трудно сказать, насколько был способен Федор понять то, что происходило; во всяком случае, он предоставил судьям полную свободу действий. Таким образом, все теперь зависело от Бориса Годунова. Обвиняемые попадали в руки беспощадного мстителя. Понятно,

что кара, их постигшая, была ужасна; согласно обычаю времени, она становилась тем тяжелее, чем ниже жертвы ее стояли в обществе. Царице Марии пришлось постричься в инокини и искупать в монастырском уединении свой мнимый недосмотр за сыном. Трое братьев ее, которые, по данным следствия, были виновны не в равной степени, все были отправлены в дальнюю ссылку из Москвы: их поселили безвыездно в различные города. Самые жестокие наказания постигли, конечно, простых угличских людей. Все они были признаны в равной мере ответственными за совершенные убийства, поэтому в отношении к ним не знали жалости. Двести человек были казнены, многим отрезали языки; большинству пришлось покинуть родину и ехать в Сибирь, где они и поселились в Пелыме. Суд не пощадил даже колокола, который своим набатом собрал народ ко двору: его сослали в далекий Тобольск. Милостивым приговор оказался лишь для Василисы Волоховой, которая сумела найти версию, нужную следователям и удобную для большинства свидетелей; разумеется, такое же благоприятное положение создано было и для родственников тех лиц, которых во что бы то ни стало хотели изобразить жертвой народной ярости.

Таким образом старался суд стереть всякие следы угличского преступления. Но горько ошибался Годунов, надеясь потопить в крови и слезах самую память об этом мрачном злодействе. Уже одна жестокость кары, постигшей мнимых виновных, навсегда запечатлела это событие в народном воображении. Разумеется, подозрения, возникшие уже раньше, теперь должны были еще усилиться. В Угличе было убито несколько человек... Неужели из-за этого нужно было наказывать его жителей чуть ли не через десятого? Неужели нужно было разгромить весь город и рассеять в разные стороны его население? Правительство должно было бы наказать только виновных... Своими мерами не старалось ли оно скорее устранить всех свидетелей, которые могли быть для него опасны?

Не безнаказанно пролита была невинная кровь. Близился час, когда увлажненная ею земля должна была родить страшную жатву проклятия и мести.

Глава 2

Таинственный призрак. 1601–1604 гг

I

С 1599 года представителем римского престола в Кракове, при дворе Сигизмунда III, был нунций Клавдио Рангони – князь-епископ Реджио. Уроженец Модены, аристократ по происхождению, он едва успел четыре года пробыть в своей епархии, когда милость папы Климента открыла ему дипломатическую карьеру в Польше. На этом поприще все было ново для Рангони. Он не знал ни страны, куда должен был ехать, ни людей, с которыми ему предстояло иметь дело. Сами обязанности его при краковском дворе едва ли представлялись ему достаточно ясно.

Между тем пост нунция в Кракове был тогда одним из самых завидных. Ни один вопрос общеевропейской политики не миновал тогда польской столицы; война с турками – этот кошмар тогдашней эпохи – неустанно обсуждалась здесь различными дипломатами. Таким образом, для Рангони открывалось самое широкое поле деятельности. Но этого мало. Если в Кракове было много привлекательного для государственного человека, то для уроженца Италии здесь оказался как бы уголок его отечества. Высший класс польского общества был уже затронут веяниями Ренессанса; вместе с Боной Сфорца сюда проникли новые идеи, и пионеры гуманизма недаром перебрались через Альпы, чтобы основаться на берегах Вислы.

Личные отношения папского нунция с королем Сигизмундом III были, конечно, безукоризненны и даже не лишены известной теплоты. Правда, этот государь был потомком дома Ваза, двоюродным братом его являлся сам Густав Адольф. Тем более удивительно, что в лице Сигизмунда мы находим как бы другого Филиппа II – только без надменности испанского короля. Быть может, свою глубокую религиозность он унаследовал от матери, Екатерины. То была настоящая дочь Ягеллонов – и не столько по своему происхождению, сколько по нравственным качествам, в особенности же по страстности своей веры. Во всяком случае, под высоким покровительством короля католическая реакция делала в Польше все новые и новые успехи. Вот почему, когда папскому нунцию приходилось вмешиваться в государственные дела, он всегда был уверен, что встретит поддержку. Верными союзниками его оказались известная часть знати и епископы – католики, которые все заседали в сенате. В довершение всего еще кое-что манило Рангони в столицу славянского королевства: во имя этого он готов был примириться и с ее снегами, и с ее стужей. Далеко впереди он видел головной убор кардинала. Дело в том, что при возвращении в Италию папский нунций обыкновенно бывал украшен уже пурпурной мантией.

Донесения Рангони хранятся в Ватиканском архиве и у князя Дориа-Памфили. В них как нельзя лучше выступает весь нравственный облик этого человека.

Листы эти выцвели от времени; некоторые – увы! – скоро, быть может, погибнут навсегда. Но, перебирая их, мы живо воскрешаем перед собой образ прежнего римского прелата. Перед нами лицо, привыкшее к самому избранному обществу. Это одновременно и клирик, и придворный. Он в совершенстве изучил все требования этикета. Он – сама аккуратность, сама предупредительность, воплощенное самообладание. К услугам его в любую минуту оказывается неистощимый запас банальных формул. Все эти черты мы встречаем у большинства коллег Рангони. Лишь в одном отношении этот дипломат превосходил других государственных людей: он отлично умел добывать всякие сведения и хорошо информировал своего государя. В сущности, этим вполне удовлетворялось его честолюбие. Напрасно стали бы мы искать у него новых идей или оригинальных планов: Рангони менее всего был способен к ответственной

роли реформатора или пропагандиста каких бы то ни было идей. Об этом ясно говорят его пространные и пресноватые донесения. В них постоянно фигурируют какие-нибудь комбинации. Это не значит, что Рангони злоупотреблял этим понятием; мы хотим сказать только, что в этой сфере он чувствовал себя особенно привольно.

Так или иначе, папский нунций был *persona grata* при польском дворе. Являясь горячим сторонником союза с Австрией и брака с эрцгерцогиней Констанцией, он вполне сходиллся в этом с королем Сигизмундом. Мало того, он оказывал ему деятельную поддержку в этом направлении и даже был посредником в сношениях короля с Прагой. Более нелюдими современники упрекали порой Рангони в том, что он был слишком предан светской жизни, по их мнению, он переходил меру в своем стремлении играть роль в обществе. Для этих суровых судей было великим соблазном видеть, как епископ весело пирует с магнатами или ухаживает за прекрасными полячками: подобные слабости казались несовместимы с высоким саном папского нунция. В довершение несчастья, при Рангони состоял его племянник, граф Александр Рангони; надо сознаться, что суровая добродетель совсем не была его идеалом. Пусть даже он и не был притчей во языцех в Кракове, как утверждают некоторые. Во всяком случае, несомненно, что за свои легкомысленные похождения он поплатился впоследствии высылкой из Рима. В силу всех этих обстоятельств Ватикан относился к нунцию гораздо более сдержанно, нежели краковский двор. Несколько раз король Сигизмунд просил папу возвести Рангони в сан кардинала: Павел V не хотел внять этим ходатайствам. Однако король не сдавался. Он периодически возвращался к этому вопросу; для него это стало как бы делом чести... Он не жалел похвал в адрес своего протеже и горько укорял Рим за противодействие. Он не оставался перед отправлением в Ватикан особых уполномоченных, в специальной записке он восставал против «клеветников», очернивших ни в чем не повинного Рангони, наконец, он ответил отказом на предложение папы назначить кардиналом кого-нибудь из среды польского духовенства. Все было тщетно: Павел V был неумолим. Снисходя к представительству Сигизмунда, он охотно соглашался жаловать своего нунция бенефициями и пенсиями, но даровать ему пурпурную мантию он находил решительно невозможным. В подробные объяснения по этому поводу он не пускался: он просто заявлял, что имеет самые серьезные основания не отступать от принятого решения.

Надо думать, что при отъезде Рангони из Рима он представлял себе будущее в гораздо более радужном свете. Новый нунций отправлялся в Краков, полный самого горячего рвения. Между прочим, он вез с собой специальные инструкции от 20 февраля 1599 года: здесь было нечто такое, что прямо касалось Москвы. Прошло уже семнадцать лет с тех пор, как Поссевин побывал при русском дворе, такой же срок миновал со времени перемирия при Киверовой Горе. Жизнь значительно двинулась вперед. Но Рим не спешил с пересмотром своей традиционной политики в славянских землях. Он оставался верен своей мечте о союзе Польши с Москвой; тем самым он надеялся установить религиозное единство на севере Европы. По этому вопросу Рангони имел самые подробные указания; во всем остальном ему предоставили полную свободу действий. Папа знал о вступлении на русский престол Годунова, но он не был осведомлен о ходе польско-русских отношений и при таких обстоятельствах предпочитал довериться чутью и такту своего представителя. Впрочем, он выражал желание, чтобы, если только не поздно, стороны обратились к римскому посредничеству; при этом почин должен был принадлежать Годунову. Таким образом, создавался бы прекрасный повод оказать московскому государю важную услугу: разумеется, это обязало бы и царя Бориса не остаться в долгу. При переговорах с русским правительством нунций мог бы возбудить вопрос о постройке в Москве католической церкви, клир которой составил бы из иезуитов. Очевидно, Климент VIII стремился к тому же самому, что и Григорий VIII. Если бы Борис Годунов оказался более сговорчивым, чем Иван IV, Рангони удалось бы примирить Польшу с Москвой торжественным актом папского вмешательства. Тогда, опираясь на свой успех, упорно ускользавший от

всех его предшественников, нунций мог бы добиться того, в чем неизменно отказывали Поссе-вину, – другими словами, католическая церковь впервые могла бы обосноваться в Москве. К несчастью, весь расчет оказался неправильным. Во главе польских войск уже не было грозного Стефана, над Москвой уже не тяготел ужас опричнины. Исконные враги находились в равных условиях, при которых чужое вмешательство становилось излишним.

Скоро папскому нунцию пришлось самому убедиться в этом. В 1600 году король Сигизмунд отправил в Москву с предложением союза канцлера литовского Льва Сапегу. Как известно, по всем вопросам, которые касались соединения церквей, послу польского короля дан был самый решительный и высокомерный отпор. Сапега сам сообщил об этом Рангони, не скрывая от него своего разочарования и досады. Впрочем, как мы знаем, ему удалось заключить с Москвой перемирие на двадцать лет. Это вполне соответствовало видам папы и традициям старой дипломатической рутины. Все, казалось, налаживалось по-прежнему. И вдруг совершенно необычное событие открыло перед Римской курией самые неожиданные перспективы.

1 ноября 1603 года Рангони был принят Сигизмундом. Король заговорил о странных слухах, распространяющихся по всему государству. По его словам, в Польше появилась какая-то загадочная личность. Это пришелец из Московского государства, который называет себя Дмитрием, сыном царя Ивана IV. Некоторые из русских людей будто бы уже признали царевича и стали на его сторону. Дмитрий находится в Волыни у князя Адама Вишневецкого. Он мечтает вернуть себе наследственный престол при помощи казаков и татар. Всю эту затею король признавал чистым безумием: ему казалось невозможным возлагать свои надежды на наемников, которые ищут не столько чести, сколько добычи. Что касается самого героя всех этих отчаянных замыслов, то король выражал желание узнать его поближе. Он приказал Вишневецкому привезти новоявленного царевича в Краков и представить королю особое донесение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.